

Глазырин Валерий Алексеевич
Уральский государственный;
юридический университет,
Екатеринбург, Российская Федерация
glazur@olympus.ru

Право на обочине

Аннотация. Тот факт, что правовые установления существуют в любых обществах кроме архаичных, означает, что изучение права и его институтов должно быть интегрировано в социологическую теорию и методологию познания социальной реальности. Однако в современной социологии большинство исследований права являются эмпирическими и лишь незначительный круг социологов рассматривают изучение права в качестве фундаментальной познавательной проблемы социологической науки. В статье рассматриваются эпистемологические основания познания права и его институтов в социологии.

Ключевые слова: право, институты права; социологическая теория; социологическая методология; социология права; социальный порядок; верховенство права; противоречие; традиция; современность

Glazyrin Valery Alexeevich
Ural State Law University,
Ekaterinburg, Russian Federation
glazur@olympus.ru

Law on the margins

Abstract. The fact that legal provisions are found in all types of societies, except archaic ones, means that the study of law and its institutions should be integrated into sociological theory and methodology of cognition of social reality. In the present-day sociology, however, the study of law is mostly empirical, and only a few sociologists see the study of law as a fundamental cognitive problem of sociological science. The article presents epistemological foundations of cognition of law and its institutions in sociology.

Keywords: law; law institutions; sociological theory; sociological methodology; sociology of law; social order; supremacy of law; contradiction, tradition, the present time

Тот факт, что правовые установления существуют в любых обществах кроме архаичных, означает, что изучение права и его институтов должно быть интегрировано в социологическую теорию и методологию изучения социальной реальности. Так, Н. С. Тимашев – один из основателей социологии права и автор пионерских работ по истории становления и развития социолого-правовой мысли, отмечал, что идеал, к которому должна стремиться правовая социология состоит в том, чтобы её идеи можно было «предложить для включения в центральное ядро социологической теории»

[Тимашев, 1961: 479]. Однако до сих пор лишь незначительный круг социологов рассматривает изучение права в качестве познавательной проблемы, затрагивающей основы социологического знания и познания.

В последние три десятилетия в зарубежной и отечественной социологии утвердился эмпирический подход в изучении права. Социологи, работающие в этом ключе, руководствуются познавательной установкой «на самом деле»: как на самом деле судьи принимают решения, на самом ли деле в обществе с глубокой социальной поляризацией все граждане равны перед законом и судом, как на самом деле законы влияют на поведение людей и т.д. Такие исследования права несомненно нужны, позволяют раскрыть «механику» бытия юридических институций в различных социальных контекстах, показывают, как *de facto* работают (действуют или бездействуют) принятые юридические установления, законы. В качестве барьеров их практической реализации обычно выделяются две группы преград. 1. «Плохие законы» (например, законодательные акты, тексты которых выполнены на низком уровне юридической техники). 2. «Социальные условия» (во многих случаях под ними подразумеваются социокультурные обыкновения, неформальные связи, ограничивающие/исключающие эффективное функционирование юридических институтов в системе общественных отношений, социуме). Тем не менее социологическое постижение права не может ограничиваться изучением проблем правоприменения, очевидно, например, что познание коллизий правотворческой деятельности не менее важно, чем изучение противоречий правовой повседневности и различных несоответствий между формальными и неформальными нормами, правилами [Диманс, Левичева, 2018: 13–158]. Но главное заключается в другом. В том, что обществ, в которых отсутствуют юридические узаконения, несмотря на то, что в законодательных актах и их применении могут выявляться серьезные изъяны, не существует.

Для Э. Дюркгейма и М. Вебера – гениев социологии, объяснение права является частью их социологического мировоззрения. Так, в частности, Л. Ионин – научный редактор главного веберовского труда «Хозяйство и общество» на русском языке отмечает, что с определенной оговоркой можно говорить, что создание социологии права было одной из целей научной деятельности выдающегося немецкого социолога [Вебер, 2018: 7]. Но нужно отметить, что самая крупная работа М. Вебера, связанная с изучением права с позиции социологии, издававшаяся под названием «Макс Вебер. Социология права», остается, пожалуй, самым «загадочным» его произведением. До сих пор никому не удалось сделать внятное обозрение этого сочинения. Некоторые авторы считают, что этот труд М. Вебера является самым разочаровывающим в его творчестве.

Утверждая, что изучение права для Э. Дюркгейма и М. Вебера было связано с центральными положениями их социологических взглядов, чтобы не быть голословным, остановимся на отдельных моментах их научного наследия.

Э. Дюркгейм разработал социологическую методологию изучения общества через системы права. В сжатом виде её можно представить следующим образом. Объективность всякого социального исследования, по убеждению французского классика социологии, обеспечивается посредством выявления в обществе повторяющихся, устойчивых отношений, форм, если их невозможно обнаружить в социуме, то тогда научные основания для наблюдения, описания, познания социумов отсутствуют. Но, отмечал он, одна из особенностей общественной жизни заключается в том, что социальные связи и отношения «кристаллизуются» [Дюркгейм, 1991: 446]. При этом наиболее значимые отношения в обществе получают свое выражение и закрепление в юридических нормах, правилах [Дюркгейм, 1991: 340]. Правовые установления определены, устойчивы, существуют в вещной форме – воплощены в кодексах, нормативных актах, текстах законов [Дюркгейм, 1991: 434], поэтому институты права, считал Э. Дюркгейм, следует рассматривать в качестве научной основы познания обществ. Также, отмечал он, поскольку социальная солидарность и юридические системы проходят исторически связанные между собой этапы их развития, постольку «эволюционное древо» права можно использовать в целях изучения форм солидарности (типов обществ) [Дюркгейм, 1991: 66].

Сегодня аутентичное знание дюркгеймовской методологии изучения общества через право едва ли выходит за границы познавательных интересов исследователей истории социологической мысли, но посыл французского ученого остается в силе – социологам нужно преумножать концептуальную базу и эмпирический инструментарий, позволяющие им «сквозь» форму и содержание юридических норм, институтов, осуществлять актуальные изыскания социальных явлений и процессов.

Блистательным образцом социологического анализа, показывающего роль правовых установлений в возникновении отношений модерна [Вебер, 2001: 360–386], является веберовское описание становления западного европейского города.

М. Вебер писал, что, если социо-институциональную основу античных городских поселений составляли религия, род, племя, родоплеменные связи, принадлежность к которым определяло участие горожан в общественной жизни и их социальные возможности занимать определенные должности [Вебер, 1994: 334–342], то европейский город был сообществом-корпорацией бюргеров [Вебер, 1994: 336]. Город-корпорация – это административный округ, действующий как юридическое лицо [Берман, 1998: 368], с городским правом и судопроизводством, собственной организацией управления, соответствующей официальной статусно-должностной системой. В городе бюргеры обладали статусом правомочных лиц [Вебер, 1994: 342]. Таким образом, великий немецкий социолог показал, что западноевропейские города конституировались на формальной юридико-правовой институциональной основе. Суть социального переустройства, произошедшего в процессе образования городов в средневековой Западной Европе, сознавая противоречивость истории их возникновения и становления [Эрс, 2019], заключается в веберовском утверждении,

что «городской воздух приносит свободу» [Вебер, 1994: 332]. Этот случай социоправовой динамики, рассмотренный немецким социологом, отражает общее социальное правило, что «с правом приходит свобода».

Что изучение права, его институтов привносит в структуру социологического познания социальной действительности? Обсуждая этот трудный и многоплановый вопрос, остановимся лишь на четырех моментах.

Прежде всего инфильтрация изучения права в социологическое познание обществ позволяет осознать тот факт, что право имеет значение в жизни обществ и деятельности социальных акторов, уяснить, что без обращения к изучению правовых институций невозможно дать релевантное социологическое описание и истолкование огромного спектра общественных явлений и процессов.

У эмпирических обследований права есть свой «потолок». Дело в том, что в этих исследованиях эксплицитно/имплицитно в «тени» остаются эпистемологические вопросы социологического познания права. «Общество и право», выступая познавательным континуумом правовой социологии, ориентирует социологов на изучение противоречий между социальными (культурными, политическими, экономическими) и правовыми компонентами обществ. Поэтому мир права в социологии права во многих случаях предстает в виде соотношений: права и закона, права де-юре и де-факто, писаного и живого, формального и неформального, официального права и общественного мнения, прав и привилегий, легальности и легитимности, конфликтности и комплементарности социальных и правовых норм/институтов. Сложность социоправовых явлений и процессов предполагает, что социологам, изучающим их, в том числе, проводящим эмпирические обследования, требуются определенные знания о законе и праве, чтобы иметь возможность проводить различия между фактическими, юридическими и правовыми социальными порядками.

В обществах складываются (и (или) устанавливаются) определенные социальные порядки. В социумах, преодолевших состояние архаики, юридические институты относятся к основам, конституирующим общества. Действенность юридических установлений в поддержании социальных порядков базируется на их общеобязательности, определенности письменных законодательных актов, судопроизводстве, властно-государственном принуждении к исполнению законов. Однако не всякие социальные порядки, зиждущиеся на юридических предписаниях, являются правовыми. Юридические институциональные системы могут олицетворять и созидать разные социальные порядки. Это связано с тем, что *lex* («rule of government» – правление посредством норм/правил правителя/ государства) не идентично *jus* («rule of law» – правление посредством принципов/ норм права; верховенство права). Легальный (законный/ юридический) порядок не всегда является правовым. В. С. Нерсесянц – один из крупнейших российских юристов писал, что закон (позитивный юридический закон) соответствует природе и требованиям права лишь тогда, когда позитивирует право, а не произвол, в противном случае юридический

закон может применяться в антиправовых целях, легализации авторитарных, деспотических режимов [Нерсесянц, 2016: 37]. Развернутые характеристики правового закона представлены в Докладе о верховенстве права Венецианской Комиссии [Доклад о верховенстве права. Утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 года). Страсбург, 4 апреля 2011 года].

Другим аспектом социологического познания права важным для социологического объяснения обществ является положение об институциональной комплементарности права и современных (демократических) социумов, означающее, что становление обществ модерна предполагает, соответствующую им институциональную матрицу, базирующуюся на праве. В осмыслении этой максимы заметную роль сыграла книга американского социолога и политолога Эдварда Бэнфилда «Моральные основы отсталого общества» («The moral basis of a Backward society» 1958) [Бэнфилд, 2019], посвященная описанию городского поселенческого сообщества на юге Италии, жители которого поступились общественным благом ради их повседневных лично-семейных интересов, что вызвало разобщенность между ними, «бездействие» ценностей, норм, правил, обеспечивающих доверие и сотрудничество, желание действовать сообща, привело к отсталости. Американский ученый высказывал глубокий пессимизм в отношении того, что корыстная семейственность и «теплые дружеские связи» в таких сообществах могли бы быть изжиты. Как бы там ни было, но до сегодняшнего дня в регионах южной части Итальянской республики такие системы социальных связей и отношений в том или ином виде продолжают существовать. Как можно было бы преодолеть эту социальную заскорузлость? Едва ли могут быть простые ответы на этот вопрос. При всех обстоятельствах, главнейшими социальными инструментами, используя которые, можно было бы изменить этот социальный мир к лучшему, являются институты, утверждающие в обществах правовые порядки.

Еще один аспект правопознания в социологии связан с положением, часто встречающимся в различных публикациях и комментариях, что западные правовые стандарты разрушают культуры и идентичности не западных обществ. Не следует упрощать социальную диалектику. Можно определенно сказать, что историческая действительность не укладывается в рамки механистических допущений о разрушении культуры и идентичности обществ, модернизирующихся на началах права. Так, Япония, Тайвань, Гонг Конг, Южная Корея освоили многие западные правовые институты в различных областях жизни обществ, но при этом обладают свойственной этим странам уникальной не европейской культурой. Разве можно утверждать, что в Южной Корее национальная культура деградирует, а её граждане утратили национальную идентичность под влиянием западных правовых стандартов в сравнении с Северной Кореей, не видеть, что общества, институционально «построенные» на началах институтов права, являются разнообразными культурными социумами.

Заканчивая обсуждение вопроса о значении правопознания в социологической теории, отметим, что в праве воплощены многие стержневые ценностные начала

современных обществ: незыблемость человеческого достоинства, права и свободы человека и гражданина, другие.

Подводя итоги работы, подчеркнем, что в институциональных и ценностных качествах права заключен социо-созидательный потенциал становления обществ правовой свободы [Глазырин, 2019: 37]. Развитие обществ не predetermined. С одной стороны, в современном мире не существует непреодолимых барьеров для имплементации правовых установлений в институциональную структуру обществ, с другой стороны, не может быть того, что История гарантирует торжество права любой стране, государству. В устройении обществ право имеет значение, поэтому социология обречена на изучение его места и роли в социальных системах.

Библиографический список

Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ. ИНФРА-М – НОРМА, 1998. 624 с.

Бэнфилд Э. Моральные основы отсталого общества. М.: Новое издательство, 2019. 216 с.

Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.

Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 576 с.

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Том III. Право. М.: Изд. Дом высшей школы экономики, 2018. 331 с.

Глазырин В. А. Право имеет значение (социологический контекст) // Социология и право. 2019. № 3 (45). С. 33–39.

Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы: институты VS неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018. 314 с.

Доклад о верховенстве права. Утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 года). Страсбург, 4 апреля 2011 года [Электронный ресурс]

// URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 25.04. 2020).

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.

Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 256 с.

Тимашев Н. С. Развитие социологии права и её сфера // Современная социологическая теория в её преемственности и изменении. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. С. 479–508.

Эрс Ж. Город в Западной Европе в средние века. Ландшафты, власть и конфликты. СПб.: Евразия, 2019. 469 с.